

Оглавление

Звуки в моей голове	7
Тигры отпущения	19
Рассказы и взгляды	40
Философы жизни	84
О творчестве и управлении	126
Рожденные в опилках	204
Сквозь тернии к звездам	226
Цирковая семья	236
Особо опасная профессия	244
О личном	258
И вновь об управлении	300
Следующее поколение	319

Комментарий к сказанному

Елена Петрикова	174
Елена Бараненко	182
Элен Запашная-Райхлин	195
Ярославна	279
Федор Емельяненко	287

Существа должны знать: на свете есть хищники. Без такого знания женщина не сможет спокойно разгуливать в собственном лесу, не опасаясь быть растерзанной. Понять хищника — значит превратиться в зрелое существо, которое не может стать жертвой собственной наивности, неопытности или глупости.

К. П. Эстес. «Бегущая с волками»

Звуки в моей голове

Эдгард

Бросок лапы был настолько быстрым и резким, что брат не успел уклониться. И вот она, настоящая сцена из самых страшных кошмаров: окровавленный Аскольд уходит за кулисы цирка в Будапеште, а я пытаюсь отойти от шока. В голову мягким кошачьим шагом крадутся жуткие мысли. А вдруг я больше не увижу брата? Вдруг это был удар по шее, и тигрица попала по артерии? Вдруг я выйду из клетки, а мне скажут: «Аскольда больше нет...»

Я обернулся и понял: все еще серьезнее. На меня не отрываясь смотрели восемь пар глаз. Горящих глаз хищников, почуявших кровь. Это были глаза тигров, которые только что засомневались в том, что я — их вожак и могу справиться с ними. Я увидел, как эти машины для убийства — особенно три тигра, работавшие с моим отцом, Шерхан, Акбар и Амур, — начинают гонять в голове вполне конкретную идею. Смерть не посмотрела мне в глаза. Она неслышно подошла и постучала в двери.

И тут сработал инстинкт. Не только общечеловеческий инстинкт самосохранения, но и инстинкт дрессировщика. Мозг мгновенно послал команду «Действуй!».

Я буквально рванул к центру манежа — и что было мочи, перекрикивая музыку, скомандовал:

«Всем лежать! По местам!» Я заглянул каждому в глаза. Вернул каждому его взгляд и показал: даже не думай. В то мгновение все было очень просто — либо я, либо меня. Я понял, что пора было «включить дрессировщика» и продемонстрировать: я не сломался, меня так просто не возьмешь.

Мы сидим в кабинете директора Большого Московского цирка, из больших окон за спиной моего героя льется тусклый зимний свет, и хозяин кабинета рассказывает эту захватывающую дух историю своим проникновенным, чуть севшим голосом. По привычке сидит вполоборота, периодически крутит на столе телефон в именном черном чехле с двуглавым орлом и флагом России. Как будто с кошкой играет: влево-вправо, влево-вправо. А я пытаюсь проникнуть в его голову и одновременно прислушиваюсь к собственным ощущениям, пытаюсь совместить все впечатления и мысли. Машинально бросаю взгляд на диктофон — тот подмигивает мне красным огоньком.

И тут в моей голове живо переплетаются две линии. Вот первая, сегодняшняя. Я слушаю рассказ Эдгарда, слежу за его движениями, за мимикой, тоном голоса и темпом речи. И понимаю. Это понимание захватывает меня — прямо как смерть из рассказа моего героя — легко и незаметно, слово утренняя невесомая дымка.

Я понимаю, что он готов ко всему. Прямо сейчас, в это мгновение, на середине мысли. Он готов к тому, что может раздаться звонок, а на том проводе будет кто угодно — от дочери до президента России, от главы комитета Госдумы до его друга и коллеги Мартина Лейси-младшего. И он мгновенно ответит. Он готов к тому, что сейчас

войдет помощница, а с ней будет кто угодно — по любому срочному вопросу. И он его решит.

Но самое главное — к тому, что в эту комнату прямо сейчас зайдет, забежит, запрыгнет через окно двухсоткилограммовый убийца с когтями, клыками и голодными глазами. И он его остановит, усмирит, успокоит. Поэтому он сидит вполоборота, поэтому периодически бродит взглядом по знакомому до миллиметра кабинету, а одну ногу подбирает под себя. Он как пружина, как натянутая тетива.

Он так сидит. И ходит так же — это пружинящая походка боксера-тяжеловеса, стремительная, решительная. Так он шел по коридору цирка и тогда, во время первой нашей встречи лицом к лицу. До сих и смешно, и страшно.

Когда-то я написал Эдгарду Вальтеровичу в личные сообщения в одной из социальных сетей — прямо и просто: «Пересмотрел десятки ваших интервью, люблю шоу братьев Запашных. Хочу написать о вас с братом книгу». Мне ответили: «Приезжайте в цирк, обсудим».

И вот я сижу в окружении цветущей листвы в приемной, волей-неволей ерзаю на светлом диване, настраиваюсь. И тут буквально вбегает он. «Вы по поводу книги? Заходите». Крепкое рукопожатие — и он ринулся в кабинет. Я остался позади и услышал странный звук: резкое металлическое «бах-бах» от соприкосновения медных оркестровых тарелок. В голове появилась пресловутая заводная обезьяна и стала часто-часто стучать в эти тарелки.

Я люблю шутить, что до сих пор слышу эти постоянные «бах-бах» каждый раз, когда встречаюсь с одним из Запашных. Потому что это же он! Бах! Настоящий! Бах! Еще круче, чем на видео! Бах! Бах!

Этот случай в Будапеште был как раз примером излишней самоуверенности. Я всегда давал мясо изо рта одному другому тигру — это был наш коронный номер. Но на тех гастролях именно это животное не пошло в работу — уже не помню почему. И нам тогда пришлось думать, с кем выполнять этот трюк.

Мы с братом обсудили этот вопрос и решили, что можно исполнить его с тигрицей, которая никогда этого не делала, но потенциально могла. Сабрина — нормальная, спокойная девочка, без заморочек, без лишней агрессии и нервозности. Мы попробовали — и в первые несколько раз все получалось хорошо. Отрепетировали этот трюк с ней и спокойно делали его на представлениях.

А потом — то самое выступление, во время которого я уже не опасаясь подошел к ней. Расслабился, успокоился. И нарушил элементарные правила безопасности, о которых нам еще папа рассказывал.

Есть такой термин — у нас, во всяком случае, в нашей школе Запашных, — «вытянуть животное на себя». Зверь стоит на четырех лапах на тумбе, которая специально устанавливается так, чтобы у хищника была ограничена возможность передвижения. Тумба — скорее небольшая

площадка, она приподнята над полом всего лишь сантиметров на двадцать.

И это чисто психологический момент. Если тигрица на полу, она может передвигаться в любом направлении. Когда же хищница стоит на площадке, то знает, что это ее место и не сходит с него. Если тигрица соберется сойти с тумбы, я это увижу и успею среагировать. И еще: когда она находится на этой площадке, у нее есть определенный диапазон возможностей — может махнуть лапой слева, справа. А вытянуть ее немного на себя — это заставить тигрицу немножко податься вперед, чтобы она перевела равновесие так, чтобы ударить было физически трудно. Это как человеку, наклоненному вперед, сложно ударить ногой, потому что ему просто неудобно. На этом строится безопасность трюка. Если вы посмотрите, как я выполняю этот номер со львом сейчас, то увидите — зверь всегда вытянут вперед. Я встаю перед ним, наклоняюсь в его сторону и жду, когда он сделает движение мне навстречу. Я всегда вытягивал животное на себя: так нас учил папа.

Теперь же происходит следующее: я слегка наклоняюсь к Сабрине, а она остается на месте. У нее абсолютно безразличный взгляд, она не шевелится на тумбе. И тут я пренебрег тем самым главным правилом — не стал вытягивать ее. В итоге, вместо того чтобы дождаться ее реакции или вообще остановиться, взял и просто наклонился к тигрице еще ближе.

Это ее и спровоцировало.

Да, вначале она стоит ровно: то ли зависла, то ли просто задумалась. И вот я наклоняюсь к ней, а она делает движение от меня, отклоняется назад. И в момент, когда я стою в таком уязвимом

положении, у нас начинается своеобразная дуэль взглядов.

Вот я тянусь вперед, чтобы угостить ее мясом. И вдруг — бах! — мне мгновенно прилетает удар лапой. Такой жесткий и сильный, что я даже растерялся. Не ожидал такого исхода, и это была полностью моя ошибка — и что не ждал, и что переоценил, и что забыл все правила безопасности.

Единственное, что я тогда почувствовал, — это какой мощный боксерский удар может быть у животного. И тут же понял, что по щеке что-то течет. Очевидно, кровь — теплая, густая. Но я спокойно отклонился, поднес руку и почувствовал, что кровотечение очень сильное.

Увидел, что Эдгард стоит в абсолютной растерянности.

Позже я узнал, он подумал, что Сабрина задела артерию: удар по лицу получился очень сильный, всей когтистой лапой. И у меня в тот момент тоже мелькнула мысль: видимо, тигрица порвала мне шею. И пока еще я в сознании, нужно соображать быстрее и действовать. В таких ситуациях это очень важно, потому что можно переоценить свои силы, решить — ничего страшного, я в порядке. А потом просто упасть без чувств в клетке, и тогда — всё, смерть, потому что на тебя сразу накинутся звери.

Я сказал брату, что мне нужно уйти с манежа. Помню, он меня еще поторопил.

Я вышел за кулисы, а там уже все начали суетиться, звать врача. Когда стали обрабатывать рану, увидели, что все не так уж серьезно. Рана на щеке длиной два-три сантиметра, не такая уж глубокая, не угрожающая жизни и здоровью. Выходит, что Сабрина просто попала когтем мне по лицу при ударе. Она не хотела содрать с меня

кожу и серьезно травмировать. У тигров есть такой молниеносный боксерский удар, не с целью напасть и уложить соперника, а для того, чтобы просто показать сородичу дистанцию. Хлопнули лапой куда придется, лучше по голове, — и на этом закончили.

И вот, оценивая, что произошло, я понимаю, что это и был тот самый момент, за который я уважаю природу. Четко, понятно, по делу. И честно. И Сабрину винить не за что. Я даже на нее не обиделся. У меня внутри не было никакой негативной реакции: ни злости, ни страха, ни обиды — вообще ничего. Я просто понял, что получил по морде по заслугам, потому что сам дурак, вот и всё.

Хронологически первое мое большое интервью было именно с Аскольдом. И я отчетливо помню тот вечер. В цирке закончилось вечернее представление, братья провожали гостей и собирались домой. Я ждал, пока мой собеседник закончит все дела, сидел около тренировочного манежа и вслушивался. Цирк не гудел, не шептался, не пел. Цирк просто жил — как живет на земле великан. Он дышит, сопит, двигается — и тогда слышно шорохи.

В цирке после представления настолько спокойно, что, если закрыть глаза, ты почувствуешь себя как дома. Для цирковых же это и есть дом.

Я давно заметил: Аскольд умеет расширять это ощущение естественного комфорта, будто переносит на вас «домашнюю» ауру. Даже когда мы говорили о страхе, хищниках и крови, это не рождало в голове пугающих звуков и страшных мыслей. Как будто подсознание точно установило: рядом с этим человеком все будет хорошо. Это просто беседа. Хорошая, комфортная беседа.

Тот случай в Будапеште был, пожалуй, наилучшим в моей жизни. Тотальная неизвестность — окровавленный брат уходит за кулисы, а все хищники поворачиваются ко мне. Кто-то из них спал, кто-то смотрел в зал, спокойные, тихие, всё как обычно. И тут вдруг такая перемена. Щелчок. «Ага, одного убрали, остался второй. Того сломали физически, этого ломаем сначала морально».

Пришлось мгновенно реагировать, я взял себя в руки и показал, что все не так просто, как им кажется. Внушил, что меня гораздо больше — как будто в Халка превратился. Включил режим максимальной жесткости, чтобы они поняли, что лучше со мной даже не связываться в этот момент. Дорабатывал в таком боевом режиме, готовый ко всему и вдвое более внимательный к каждой мелочи.

А сам все равно думал: «Как там брат? Все же артерия или нет? Если артерия, успеют ли врачи? Спасут ли Аскольда?» Ужасные секунды неведения. Слава богу, прямо во время выступления ассистенты передали мне, что всё в порядке: рана неглубокая, артерия не задета, угрозы жизни нет. Но те две-три минуты, пока Аскольду обрабатывали рану, пока не прибежал врач, были, пожалуй, самыми ужасными в моей жизни.